

Глава 3

— Ай, идут, идут! Паренёк Вэнь ведёт двоих, это, должно быть, они.

— Да-да, я его на свадьбе Ли Цзиньхуа видела, точно он.

— Выглядит таким честным, а потакает своей Ли Цзиньхуа во всём. Эх, и правда, внешность обманчива...

...

Маленький дворик был забит людьми до отказа. Когда Лу Вэнь подвёл двоих к толпе, ему пришлось расталкивать тётушек по сторонам:

— Дорогие тётушки, матушки, дайте дорогу, пропустите их.

— Быстрее, быстрее...

Все взгляды были устремлены на прибывших, люди перешёптывались и показывали пальцами. Староста деревни Шанъян чувствовал, что опозорился на всю жизнь.

Он решил, что не произнесёт ни слова, пока всё не разрешится!

Старику Линю было не лучше. Увидев издалека толпу, он захотел развернуться и уйти. Когда его звали, сказали, что его гэ'эр упал в реку и находится при смерти, да ещё и шантажирует Студента Лу, и просили его прийти и разобраться. Но никто не сказал, что здесь собралась вся деревня Сяхэ!

Отступить было некуда.

Увидев Ли Цзиньхуа, спокойно сидящую во дворе, он вспыхнул:

— Ли Цзиньхуа! Что ты опять творишь?!

Мачеха, завидев своих, тут же воспряла духом, но не успела и рта раскрыть, как на неё накричали.

— Ты на меня кричишь?! За что ты на меня кричишь? Твоего гэ'эра опозорили, я за него справедливости добиваюсь, а ты ещё и кричишь на меня?!

Ли Цзиньхуа, не стесняясь, вскочила и подбежала к Старику Линю. Тот тут же сник.

Их голоса были громкими. Матушка Лу, услышав их, вышла на улицу. За это время она успела прийти в себя, но отказаться было уже неудобно. Женщина решила тайком переговорить с сыном — что делать, если их и вправду заставят платить?

— Где Линь Янь? — Старик Линь, униженный, искал, на ком бы сорвать злость.

Никто ему не ответил. Староста выступил вперёд:

— Брат Линь Шу, помнишь меня?

— Ты... ученик Учителя Суна?

Учитель Сун был дедом Линь Яня по материнской линии. Он умер несколько лет назад. Они виделись один раз, а до этого, ещё до женитьбы Линь Шу, встречались пару раз.

— Раз ты меня узнал, не буду ходить вокруг да около. Сегодня я позвал тебя, потому что Гэ'эр Янь хочет разорвать с тобой родственные узы. Поэтому я и попросил позвать тебя и Старосту деревни Шанъян в качестве свидетелей.

— Разорвать узы?

— Мать Гэ'эра Яня давно умерла, родственников по материнской линии у него не осталось. То, что ты снова женился, — дело житейское. Но ты издевался над ребёнком, не кормил и не учил его, а теперь хочешь продать за деньги. Даже если заявить об этом в управу, родственные узы всё равно можно разорвать.

Линь Шу остолбенел, услышав про управу...

А вот Ли Цзиньхуа была в своём уме:

— Даже если и разрывать узы, мы его десять лет растили, а он нам ещё не отплатил добром. Пусть вернёт деньги за еду, что съел за эти годы.

Этой женщине было всё равно, выйдет ли гэ'эр замуж или разорвёт узы, ей нужны были только деньги.

— Эта ядовитая женщина... — прошипела жена Старосты, слышавшая всё из комнаты.

Линь Янь же оставался спокоен. Деньги? Отлично. Проблемы, которые можно решить

деньгами, — не проблемы.

Ли Цзиньхуа, видя, что Линь Шу молчит, заявила:

— Пять лян серебра! Если он достанет пять лян, мы разорвём с ним узы и больше никогда не будем иметь с ним дела. Старосты обеих деревень здесь, можем прямо сейчас поставить отпечатки пальцев!

— Пять лян серебра?! Да как у неё совести хватает!

— Вот-вот...

— Сколько лет эта Ли Цзиньхуа замужем? Десять есть? И требует пять лян...

— По-моему, и этот Старик Линь — нехороший человек. Вечно прячется за женской юбкой, как перепел. А как до выгоды доходит, так он тут как тут.

— Как же этому гэ'эру найти пять лян... Бедный малый!

.....

Оба Старосты тоже нахмурились.

— Пять лян — это много? Если бы он женился на том, кого я ему нашла, выкуп был бы десять лян! Я прошу всего пять, и вам ещё много? По-моему, семья Студента Лу достаточно богата. Потратить пять лян на работающего гэ'эра — не такая уж и потеря.

— Хромой Ван сказал, что гэ'эр плох. А она ещё смеет такое говорить. Если по округе пойдёт слух, что она так издевается над гэ'эром, кто захочет выходить замуж за её сыновей?

Ли Цзиньхуа сначала было всё равно, но, услышав это, засомневалась. Да, её младшему сыну уже десять лет, через несколько лет придётся искать ему пару...

— Три лян серебра. Максимум, что я могу дать, — три лян, чтобы выкупить нашу родственную связь... кхе-кхе...

Жена Старосты, поддерживая Линь Яня, вышла из дома. Юноша побледнел ещё больше. Худой от природы, он выглядел теперь ещё более жалким и вызывал сочувствие. С покрасневшими глазами он посмотрел на Старика Линя:

— Отец, пять лян серебра... Ты хочешь, чтобы я умер у тебя на глазах?

Тот посмотрел в его глаза и словно увидел свою покойную жену. В ушах снова прозвучали её предсмертные слова: «Линь Шу, позаботься о Гэ'эр Яне...»

Глаза были так похожи...

Линь Янь уловил его смятение. Он пробудил в отце давно угасшую любовь. Но сейчас юноше это было уже не нужно.

— Отец, с тех пор как умерла моя мать, я помогал по дому. Я готовил, стирал, работал в поле, косил траву, собирал хворост... Мне тогда было всего шесть лет. Но стоило мне присесть, как меня били и ругали...

— Когда вырос брат, вы велели мне отдать ему свою комнату. Я не хотел, и она пригрозила выгнать меня... Мне некуда было идти, и я согласился. После этого я жил в деревянном сарае. Летом ещё ничего, но зимой там были сплошные щели, а одеяло было без единого клочка хлопка...

— Ел я только после вас. Иногда, если возвращался поздно, мне не доставалось еды, да ещё и ругали. Я хочу разорвать узы, а ты требуешь с меня пять лян. Но откуда у меня за все эти годы хоть одна медная монета?

Голос Линь Яня дрожал. Окружающие, слушая его, опускали головы и утирали слёзы. Увидев это, юноша едва сдержал улыбку.

«Глупые люди, узрите же мощь современных мыльных опер!»

Каждый шаг был под контролем. Линь Янь поднял голову и встретился взглядом с Лу Хэмином. В его глазах не было жалости, только испытующий взгляд. Сердце юноши ёкнуло, но, увидев рядом Матушку Лу, тайком утиравшую слёзы, он немного успокоился.

— Отец, три лян серебра. В присутствии двух Старост мы сегодня же подпишем грамоту о разрыве родственных уз. С этого момента мы друг другу никто. Буду ли я один, выйду ли замуж, умру или буду жить — тебя это больше не касается.

Голос Старика Линя охрип:

— Зачем же так...

— Отец, я лучше умру, чем позволю родной крови продать меня пьянице!

Ли Цзиньхуа прервала их трогательную сцену:

— Хорошо, три ляна так три ляна. Ты, дрянь, просто нашла себе место получше. Студент Лу, чего ждёшь, беги домой за деньгами! Эта дрянь сама тебе на шею вешается.

Линь Янь не успел отреагировать, а вот Старик Линь вскипел:

— Что ты такое говоришь?!

Ли Цзиньхуа презрительно фыркнула и больше его не провоцировала. Вместо этого заговорил Староста, до этого молчавший:

— Гэ'эр Янь, я знаю, что тебе тяжело. Но ты говоришь «разорвать узы»... А куда ты пойдёшь после этого? Где будешь жить? Родственников по материнской линии у тебя не осталось...

— Я женюсь на нём. Три ляна серебра я заплачу.

Линь Янь посмотрел на заговорившего Лу Хэмина; он ведь еще даже не начал разыгрывать свою сцену.

Стоявшая рядом Матушка Лу, не успев вытереть слёзы, в шоке уставилась на сына. Получается, всё, что она говорила ранее, было впустую.

Лу Хэмин, не обращая внимания на взгляды, посмотрел на ослабевшего юношу, а затем на поддерживавшую его жену Старосты:

— Тётушка, будьте добры, принесите тушь и бумагу. Я напишу грамоту о разрыве родственных уз.

Сделав два шага вперёд, он сменил женщину, поддерживая Линь Яня. Его большая ладонь легонько сжала руку Гэ'эра Яня. Никакого мяса, одни кости.

— Мама, сходи, пожалуйста, за деньгами. Я хочу на нём жениться.

Матушка Лу посмотрела на сына, потом на Линь Яня и, вздохнув, пошла прочь:

— Ладно, ладно. Женишься — и хорошо, хоть одной заботой у меня меньше будет.

Толпа, очевидно, не успела опомниться. Хоть и ходили слухи, что у Лу Хэмина судьба одинокой злой звезды, но его семья была зажиточной, да и сам он был Студентом Лу. Если в будущем станет Цзюйжэнем, то и вовсе будет большим человеком.

И надо же, его заполучил какой-то гэ'эр из другой деревни.

У Старосты дома тоже был сын-ученик, так что бумага и тушь нашлись быстро.

— Хэмин, вот, принесла. Пиши скорее, — сказала жена Старосты.

Лу Хэмин кивнул и, наклонившись к Линь Яню, сказал:

— Я помогу тебе сесть. Ты ещё слишком слаб.

Тот не ответил и не сдвинулся с места. Лу Хэмин с недоумением посмотрел на него:

— Что такое? Идти не можешь?

— Нет...

— Передумал?

— Нет. Тогда... побеспокою Студента Лу.

Линь Янь перенёс большую часть своего веса на мужчину, практически повиснув на нём.

— Раз я согласился на тебе жениться, о каком беспокойстве может идти речь? — Голос Лу Хэмина был спокоен, словно он просто спас на обочине умирающего зверька. — Садись, я напишу грамоту.

Грамота о разрыве родственных уз была составлена в двух экземплярах. Как только Лу Хэмин закончил переписывать второй, прибежала запыхавшаяся Матушка Лу с деньгами. За ней семенил маленький мальчик.

— Здесь три лян серебра. — Женщина протянула сыну мешочек с деньгами. Тот взял его и передал Линь Яню:

— Отдай деньги сам. Как только отдашь, узы будут разорваны.

Линь Янь посмотрел на него, их взгляды встретились:

— Я потом тебе верну.

Сказав это, юноша открыл мешочек, достал три слитка серебра, один отложил и посмотрел на мачеху и отца:

— Отец, вот два лян серебра. Ещё один лян мне должна Старая госпожа Ли на лечение. Спросите с неё.

Старик Линь не двинулся с места, а Ли Цзиньхуа проворно подскочила и выхватила из рук пасынка два лян. Её глаза жадно блестели, глядя на оставшийся слиток. Она уже хотела было открыть рот, но Линь Янь её опередил:

— Раз так, ставим отпечатки.

Как бы то ни было, результат был таким, как он и задумал. Только этот Студент Лу... не зря он будущий Великий секретарь.

Казалось, он читал все мысли юноши.

— Оба Старосты здесь. Нашу свадьбу они тоже засвидетельствуют. Завтра я отнесу грамоту о разрыве родственных уз и брачное свидетельство в управу для записи.

Шумная сцена подошла к концу. Линь Янь, державшийся из последних сил, наконец расслабился. Перед глазами потемнело, и он потерял сознание.

Когда он очнулся, то был уже не в доме Старосты. Линь Янь посмотрел на заклеенное бумагой окно. На улице уже стемнело.

Снаружи слышались шаги. Они становились всё ближе, затем деревянная дверь открылась. Кто-то на мгновение замер на пороге. Юноша пошевелился, и раздался детский голос:

— Братец, ты очнулся?

Не успел Линь Янь ответить, как мальчик выбежал из комнаты:

— Мама, старший брат, братец очнулся!

Снова слышался топот ног. Линь Янь слушал шум снаружи, и на душе у него стало необъяснимо спокойно.

Хотя это и был другой мир.